

ВЫХОДЦЫ ИЗ СТРАН АФРИКИ В ДАНИИ: ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РАССЕЛЕНИЯ В 2010-х — НАЧАЛЕ 2020-х ГОДОВ

М. М. Агафошин

С. А. Горохов

Р. В. Дмитриев

Институт Африки РАН,
123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

Поступила в редакцию 30.04.2024 г.
Принята к публикации 21.10.2024 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-4
© Агафошин М. М., Горохов С. А.,
Дмитриев Р. В., 2025

Дания является одной из наиболее привлекательных стран Европы для переселенцев из-за высоких показателей социально-экономического и политического развития датского общества. Увеличение миграционной нагрузки приводит к ужесточению миграционного законодательства страны, направленного в первую очередь на ограничение потока переселенцев из незападных стран, а также на предотвращение их сегрегации и содействие успешной интеграции в принимающее общество. Цель исследования состоит в установлении особенностей размещения иммигрантов и их потомков в Дании на примере переселенцев из африканских государств (Сомали, Марокко, Египта, Ганы, Демократической Республики Конго и Эритреи) в период 2010—2023 гг. Авторами проведен анализ датского законодательства в области миграции. Материалами исследования послужили данные Статистического управления Дании о структуре и направленности миграции в страну, а также материалы о размещении коренного населения и лиц иностранного происхождения по административно-территориальным единицам второго уровня (коммунам). Методика исследования базируется на индексе Херфиндала — Хиршмана, позволяющем оценить степень территориальной концентрации лиц африканского происхождения, а также индекс Рябцева, демонстрирующем уровень близости структур расселения мигрантов из Африки и их потомков с коренным населением Дании. Полученные данные свидетельствуют о снижении территориальной концентрации африканского населения страны, а также сближении структуры их расселения с таковой у лиц датского происхождения. Интенсивность этих процессов значительно различается в зависимости от статуса переселенцев, длительности их пребывания в Дании, общей численности конкретной африканской диаспоры. Несмотря на деконцентрацию африканского населения и сближение структуры его расселения с датчанами, значения индекса Рябцева остаются высокими — особенно для выходцев из Сомали и Марокко, в отношении которых сохраняется проблема территориальной эксклусии и сегрегации в «уязвимых жилых районах».

Ключевые слова:

Дания, иммигранты и их потомки, африканцы, беженцы, расселение, уязвимые жилые районы

Для цитирования: Агафошин М. М., Горохов С. А., Дмитриев Р. В. Выходцы из стран Африки в Дании: территориально-организационные аспекты расселения в 2010-х — начале 2020-х годов // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 1. С. 65—81. doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-4

Введение

В последние десятилетия в Европе наблюдается стремительный рост численности иммигрантов. Они размещаются в принимающих странах неравномерно, сосредотачиваясь преимущественно в крупнейших городских агломерациях. При этом для территорий с повышенной концентрацией мигрантов все более актуальным становится формирование сегрегированных районов [1—6], которые зачастую характеризуются низким социально-экономическим статусом, высоким уровнем криминальной активности и проблемами обеспечения безопасного функционирования государственных служб.

Процесс анклавизации мигрантского населения в пригородах крупнейших городов ЕС интенсифицировался после Европейского миграционного кризиса, следствием которого стал рост численности лиц, ищущих международной защиты, и нелегальных переселенцев из развивающихся стран. В последние годы особенно возрос поток мигрантов в ЕС из Африки — региона, характеризующегося высоким демографическим потенциалом в сочетании с острыми экономическими проблемами и политической нестабильностью. В результате перед руководством государств ЕС встала задача более равномерного размещения и интеграции лиц, для которых общественные нормы и культура принимаемого общества оказались чуждыми [7—9].

Дания — одна из стран ЕС, которая относится к числу наиболее привлекательных для иммигрантов, что обусловлено высокими показателями социально-экономического и политического развития датского общества: так, за период 2010—2023 гг. численность мигрантов выросла здесь с 428,9 до 724,7 тыс. чел.¹ (12,1 % населения страны). Однако, несмотря на увеличение численности мигрантов, Дания оказалась затронута Европейским миграционным кризисом в значительно меньшей степени по сравнению с ее соседями, о чем свидетельствуют показатели числа поданных ходатайств о предоставлении статуса беженца. В разгар миграционного кризиса (2015 и 2016 гг.), когда общее число таких заявлений в странах ЕС составило 1228 тыс. и 1221 тыс. соответственно, власти Дании получили лишь 20,9 и 6,2 тыс. заявлений (1,6 и 0,5 % от общего по ЕС)². Низкие на общеевропейском фоне показатели приема беженцев Данией во многом связаны с тем, что на протяжении последних десятилетий миграционная и интеграционная политика страны была одной из самых жестких в Европе по отношению к потенциальным искателям убежища.

Многие черты миграционной политики Дании — особенно в области предоставления убежища и контроля за внешними границами — нашли свое место в Пакте о миграции и убежище ЕС (вступил в силу в июне 2024 г.³), а также вошли в практику других европейских стран [10—12]. В этой связи в рамках настоящего исследования авторы сосредотачивают свое внимание на предпринимаемых властями

¹ FOLK1C: Folketal den 1. i kvartalet efter område, køn, alder (5-års intervaller), herkomst og oprindelsesland, *Danmarks Statistik*, URL: <https://www.statbank.dk/FOLK1C> (дата обращения: 25.03.2024).

² Asylum applicants by type, citizenship, age and sex — annual aggregated data, *Eurostat*, URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/bookmark/633be081-5709-475f-80f4-3210837e981c?lang=en> (дата обращения: 25.03.2024).

³ What is the New Pact on Migration and Asylum of the EU? *European Commission*. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/new-pact-migration-and-asylum_en (дата обращения: 25.03.2024).

Дании мерах по предотвращению сегрегации мигрантов из западных стран¹ и их потомков², а также успешной интеграции переселенцев в принимающее общество (в рамках в том числе программ управляемого расселения беженцев и ликвидации мигрантских гетто в крупных городских агломерациях) [13—15].

Цель исследования состоит в установлении особенностей размещения иммигрантов и их потомков в Дании в период 2010—2023 гг. на примере переселенцев из африканских государств. В рамках достижения поставленной цели в работе решаются задачи по: 1) выявлению изменений в миграционной политике датских властей, обусловленных стремлением последних к сокращению миграционной нагрузки и более равномерному расселению лиц иностранного происхождения по территории страны; 2) определению тенденций в расселении иммигрантов из стран Африки и их потомков — в том числе по отношению к датскому населению.

Материалы и методы исследования

Авторы опираются на широкий пласт научных и аналитических работ, посвященных особенностям миграционной политики Дании. Прежде всего это работы, посвященные анализу формирования и эволюции миграционного законодательства Дании, направленного на ограничение притока мигрантов и их успешную интеграцию [16—18]. Во-вторых, это исследования, ориентированные на определение особенностей пространственного расселения беженцев в стране [19—21], а также выявляющие характерные трудности и проблемы реализации датской политики обязательного расселения беженцев, в том числе обусловленные их слабой приживаемостью в сельской местности [22; 23] и распространением процессов социально-пространственной и этнической сегрегации на малые и средние города [24; 25]. Наконец, особенности датского подхода к решению кризисных ситуаций в области миграции рассматриваются в значительном числе работ в контексте применения датского опыта по управлению миграционными потоками в странах Скандинавии [26—30].

Информационной базой исследования послужили официальные данные Статистического управления Дании, содержащие сведения о структуре и направленности миграции в Данию, размещении коренного населения и лиц иностранного происхождения на территории страны по административно-территориальным единицам разного уровня¹.

Для определения трансформации структуры расселения иммигрантов из африканских стран⁴ и их потомков в Дании (на уровне административно-территориальных единиц второго порядка — коммун) нами использован индекс

¹ Статистическое управление Дании выделяет две категории стран: западные и западные. В состав западных включены все государства ЕС, Андорра, Ватикан, Великобритания, Исландия, Лихтенштейн, Монако, Норвегия, Сан-Марино, Швейцария, Канада, США, Австралия и Новая Зеландия. К западным относятся все остальные (Indhold, *Danmarks Statistik*. URL: <https://www.dst.dk/da/Statistik/dokumentation/statistikdokumentation/befolkningen/indhold> (дата обращения: 10.04.2024)).

² Согласно определению Статистического управления Дании к иностранному населению относится категория «иммигрантов и их потоков». Иммигрантом считается лицо, родившееся за границей, оба родителя которого рождены за пределами Дании и не имеют датского гражданства. Потомок — лицо, родившееся в Дании, ни один из родителей которого одновременно не является гражданином Дании и не родился в стране (Ibid.).

³ Borgere, *Danmarks Statistik*. URL: <https://www.statbank.dk/20021> (дата обращения: 20.03.2024).

⁴ На примере шести наиболее крупных по численности групп африканского происхождения, представленных выходцами из Сомали, Марокко, Египта, Ганы, Демократической Республики Конго (ДРК) и Эритреи.

Херфиндаля — Хиршмана, позволяющий оценить степень концентрации лиц иностранного происхождения и ее изменения в период 2010—2023 гг. Этот индекс принимает значения в интервале от $10000/N$ до 10000, при уменьшении значений наблюдается снижение территориальной концентрации рассматриваемой группы населения, и наоборот:

$$HHI = \sum_{i=1}^N S_i^2,$$

где S_i — доля i -й коммуны в общей численности иммигрантов и их потомков на территории страны, %;

N — количество коммун, где доля иммигрантов и потомков больше 0.

Для выявления изменений, произошедших за 2010—2023 гг. в структуре расселения переселенцев из африканских стран в результате событий Европейского миграционного кризиса и проводимой политики властей Дании, нами используется индекс структурных сдвигов Рябцева (I_r):

$$I_r = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (k_a - k_o)^2}{\sum_{i=1}^n (k_a + k_o)^2}},$$

где n — количество коммун;

k_a — доля каждой из n коммун в численности иммигрантов из стран Африки и их потомков;

k_o — доля каждой из n коммун в численности лиц датского происхождения.

Индекс структурных сдвигов принимает значения в интервале $[0; 1]$ и имеет шкалу значений [31], позволяющую на уровне коммун Дании качественно интерпретировать связанные между собой изменения в расселении, с одной стороны, иммигрантов из Африки и их потомков и, с другой, лиц датского происхождения.

Эволюция миграционной политики Дании

В первые десятилетия после Второй мировой войны миграционная политика Дании характеризовалась благосклонным отношением к приему как трудовых мигрантов, так и беженцев. Дания была первым государством, ратифицировавшим Конвенцию о статусе беженцев 1951 г. В 1956 г. был создан Датский совет по делам беженцев, что было частично связано с увеличением числа беженцев из Венгрии в результате Венгерского восстания, а в 1983 г. в стране был принят Закон об иностранцах — один из наиболее либеральных в Европе [32; 33]. В результате мигранты, попадая в страну, могли рассчитывать не только на убежище, но и приобретали законное право на воссоединение семей, финансовую и жилищную поддержку со стороны государства, языковую подготовку, а также на трудоустройство [17; 34]. Прибывающие искатели убежища имели возможность самостоятельно выбирать место своего размещения, что приводило к их концентрации в крупных городах с лучшими возможностями трудоустройства. Принятие Закона об иностранцах, произошедшее в период событий Ирано-иракской войны, а затем Гражданской войны в Сомали привело к резкому увеличению числа искателей убежища: так, если до его принятия в 1982 г. было подано чуть менее 300 соответствующих заявлений, то уже

к 1986 г. их число возросло до 9,3 тыс.¹. Датский совет по делам беженцев был не в состоянии предоставить всем желающим жилье в столичном регионе или в одном из других крупных городов. С целью снижения риска маргинализации в городских этнических гетто страны в 1986 г. было принято решение по распределению беженцев по административно-территориальным единицам с учетом численности их населения, наличия доступного жилого фонда, свободных рабочих мест и др. [20; 21]. Тем не менее эта инициатива не предусматривала применения в отношении беженцев санкций в случае их вторичных переселений по территории страны.

Новый этап развития миграционной политики страны, характеризующийся ее ужесточением, начался с принятия Закона об интеграции² в 1998 г. и создания Министерства по делам беженцев, иммигрантов и интеграции в 2001 г. Законом об интеграции³ вводились финансовые санкции в отношении мигрантов в случае отказа последних от участия в программе интеграции, ответственность за интеграцию перекладывалась на коммуны страны, также ограничивалась возможность переселения беженцев во время действия программы интеграции [35].

В дальнейшем ограничительные тенденции усилились: так, в 2002 г. была инициирована программа Start-help, которая заменила социальную помощь беженцам новой схемой льгот, призванной способствовать их вхождению на рынок труда. Эта программа на 40 % сокращала выплаты социальной помощи вновь прибывающим беженцам; увеличивала срок, необходимый для получения вида на жительство в стране, с 3 до 7 лет, а также вводила требование о необходимости сдачи экзамена на знание датского языка на базовом уровне⁴ [36].

События Европейского миграционного кризиса вновь привели к росту числа искателей убежища, ответом на который стали новые шаги властей Дании по ужесточению миграционной политики. Так, поправки в Закон об иностранцах дали полномочия полиции конфисковывать ценности и деньги искателей убежища с целью покрытия расходов на их содержание в центрах временного размещения. Помимо этого поправки расширили практику предоставления статуса временной защиты⁵, увеличили срок, в течение которого беженец не может подать заявление о воссоединении семьи, с 1 до 3 лет. Законопроект также предполагал увеличение до 6 лет срока, необходимого для получения бессрочного вида на жительство, и снижение на 10 % выплачиваемых денежных пособий⁶. Дания, как заявляла премьер-министр М. Фредериксен⁷, стремится прийти к политике «нуля искателей убежища»⁸: так,

¹ Asylum Applications in Industrialized Countries: 1980—1999 (Nov 2001), *UNHCR*, URL: <https://www.unhcr.org/media/asylum-applications-industrialized-countries-1980-1999-nov-2001> (дата обращения: 02.04.2024).

² Lov om integration af udlændinge i Danmark (integrationslov), 1998, *Retsinformation*, URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/1998/474> (дата обращения: 02.04.2024).

³ Этот закон не распространяется на граждан стран — членов Северного совета (Исландии, Норвегии, Швеции, Финляндии) и Европейского союза.

⁴ LBK nr 608 af 17/07/2002, *Retsinformation*, URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2002/608> (дата обращения: 02.04.2024).

⁵ Предоставляется на 1 год с возможностью продления на двухлетний период, если проситель убежища по-прежнему нуждается в защите.

⁶ LOV nr 102 af 03/02/2016, *Retsinformation*, URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2016/102> (дата обращения: 02.04.2024).

⁷ Danish prime minister wants country to accept 'zero' asylum seekers, *The local*, URL: <https://www.thelocal.dk/20210122/danish-prime-minister-wants-country-to-accept-zero-asylum-seekers> (дата обращения: 01.04.2024).

⁸ Однако стремление датского правительства ограничить прием искателей убежища не распространяется на вынужденных переселенцев из Украины: Gill, J. 2023, Denmark's 'zero asylum' policy reversed for Ukraine, *Context*, URL: <https://www.context.news/socioeconomic-inclusion/denmarks-zero-asylum-policy-reversed-for-ukraine> (дата обращения: 01.04.2024).

в 2022 г. было объявлено о сокращении квоты ООН по приему беженцев с 500 до 200 чел. В 2019 г. были приняты поправки к Закону об иностранцах, Закону об интеграции и Закону о репатриации, которые сместили акцент с интеграции на репатриацию¹.

Датское правительство продолжает проводить политику расселения мигрантов по территории страны, которое осуществляется через систему муниципальных квот: каждый год властями устанавливается то количество беженцев, которое должно быть распределено между коммунами, исходя из численности их населения и способности муниципалитетов обеспечивать интеграцию мигрантов². Эти меры направлены на предотвращение процесса анклавизации мигрантского населения и формирования этнических гетто [15], которые с 2021 г. стали официально именоваться в стране «уязвимыми жилыми районами»³.

Проблему последних датские власти решают в рамках реализации программы «Дания без параллельных обществ — без гетто в 2030 году»⁴, которая накладывает запрет на размещение в «уязвимых жилых районах» мигрантов и их потомков из незападных стран — вплоть до лишения их социальных пособий и возможности пользоваться программой воссоединения семей. В некоторых случаях предусмотрены и более радикальные меры для противодействия социальной эксклюзии в жилых районах городских агломераций Дании, которые предполагают сокращение объема социального жилья, где преимущественно проживают переселенцы, до 40 % от общего жилого фонда, осуществляемое за счет его реструктуризации в жилье для молодежи, дома престарелых, а также сноса зданий и благоустройства территории. В свою очередь, жители, проживающие в жилом фонде, на который распространяется «реновация», будут вынуждены искать себе новое жилье либо в данной коммуне, либо за ее пределами⁵.

Изменения в расселения африканского и местного населения Дании в 2010—2023 годах

Миграция африканцев в Данию до 1990-х гг. характеризовалась достаточно слабой интенсивностью — число иммигрантов из стран региона и их потомков составляло чуть менее 11 тыс. чел. Миграционный поток был представлен преимущественно трудовыми мигрантами и их семьями, а также студентами из стран Северной и Восточной Африки.

Интенсификация миграции африканцев произошла с начала 1990-х гг. — в первую очередь речь идет о мигрантах и членах их семей из охваченной гражданской войной Сомали. Так, в 2000 г. численность иммигрантов из Африки и их потомков выросла до 35,9 тыс. чел., более 40 % которых составляли сомалийцы (табл. 1). В дальнейшем, после введения программы Start-help в 2002 г. поток беженцев из Сомали и в меньшей степени из Марокко, Демократической Республики Конго и Ганы почти полностью прекратился. До наступления Европейского миграционного

¹ LOV nr 174 af 27/02/2019, *Retsinformation*, URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2019/174> (дата обращения: 02.04.2024).

² Visiteringskvoter, *Udlændingestyrelsen*, URL: <https://us.dk/tal-og-statistik/visiteringskvoter> (дата обращения: 03.04.2024).

³ 2021/1 LSV 23, *Retsinformation*, URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/ft/202113L00023> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Ét Danmark uden parallelsamfund, *Regeringen*, URL: <https://www.regeringen.dk/aktuelt/tidlige-republikationer/%c3%a9t-danmark-uden-parallelsamfund/> (дата обращения: 02.04.2024).

⁵ Hvad betyder det at være et omdannelsesområde? *Danmarks Almene Boliger*, URL: <https://bl.dk/politik-og-analyser/temaer/parallelsamfund/hvad-betyder-det-at-vaere-et-omdannelsesomraade/> (дата обращения: 02.04.2024).

кризиса рост численности африканского населения в Дании был связан с возросшей трудовой и образовательной миграцией и переселением по линии воссоединения семей, а также с высокими показателями рождаемости среди мигрантов.

Таблица 1

Численность мигрантов из стран Африки и их потомков в Дании, 1980—2023 гг.

Страна происхождения	1980	1990	2000	2010	2020	2023
Сомали	133	531	14 856	16 831	21 072	21 416
Марокко	2104	4267	7813	9831	11 659	12 243
Эритрея	0	0	122	343	7025	8222
Гана	158	394	1031	1908	2936	3521
Демократическая Республика Конго	15	43	172	729	2580	3267
Египет	852	1154	1641	2014	2595	2841
<i>Всего</i>	5617	10 835	35 895	49 743	70 212	77 155

Составлено по данным: FOLK2: Folketal 1. januar efter køn, alder, herkomst, oprindelsesland og statsborgerskab, *Danmarks Statistik*, URL: <https://www.statbank.dk/FOLK2> (дата обращения: 10.04.2024).

Сложившаяся к 2010 г. структура расселения мигрантов из стран Африки и их потомков характеризовалась существенной неоднородностью. Большая доля трудовых мигрантов и студентов, а также то, что значительная часть беженцев обосновалась в стране до 1998 г., когда произошло ужесточение датской миграционной политики, обусловили высокий уровень их пространственной концентрации (табл. 2). Так, в 2010 г. в пределах четырех крупнейших коммун — Копенгагена, Орхуса, Оденсе и Ольборга — были сосредоточены 53,8 % африканцев, в то время как в них проживали лишь 20,7 % коренного населения. При этом наблюдались значительные различия степени территориальной концентрации мигрантов в зависимости от времени их переселения в Данию, общей численности диаспоры, а также причин миграции.

Таблица 2

Показатели территориальной концентрации мигрантов из стран Африки и их потомков, а также лиц датского происхождения по территории коммун, 2010—2023 гг.

Значение индекса Херфиндаля — Хиршмана по совокупности групп населения	2010	2013	2016	2019	2022	2023
Марокко	2693,9	2530,8	2365,7	2221,8	2082,4	2011,5
Сомали	1429,9	1401,9	1253,4	1347,3	1377,5	1392,7
Египет	1557,9	1595,7	1553,5	1512,9	1429,2	1298,1
Гана	1151,6	1208,2	1099,0	948,9	823,8	780,6
Демократическая Республика Конго	356,0	300,4	266,0	314,0	313,1	303,6
Эритрея	1533,3	1039,5	208,2	207,7	203,9	199,3
Вся Африка	1306,8	1242,6	1007,7	946,4	895,5	862,8
Датчане	207,5	215,9	222,5	229,1	232,4	233,4

Рассчитано и составлено по данным: FOLK1C: Folketal den 1. i kvartalet efter område, køn, alder (5-års intervaller), herkomst og oprindelsesland, *Danmarks Statistik*, URL: <https://www.statbank.dk/FOLK1C> (дата обращения: 10.04.2024).

В целом для марокканцев, сомалийцев и египтян, являвшихся крупнейшими и дольше всего проживавшими в стране группами африканского происхождения, были характерны наиболее высокие показатели территориальной концентрации. Миграционные потоки трудовой и образовательной миграции из Марокко и Египта обусловили высокую концентрацию переселенцев из этих стран в наиболее экономически развитых и густонаселенных районах Дании. Так, около 82 % всех марокканцев страны проживали в коммунах Столичного региона (Ховедстаден), при этом 50,6 % концентрировались в границах коммуны Копенгаген. На долю коммун Орхуса, Оденсе и Ольборга приходилось еще 7,2 % марокканцев. Для египтян эти значения были незначительно ниже: в Столичном регионе проживал 71 % египетской общины, в коммуне Копенгаген — 37,5 %. В свою очередь, размещение сомалийцев, представленных в большей степени беженцами и членами их семей, характеризовалось более низким уровнем концентрации в четырех крупнейших коммунах страны — 65,8 %. Однако, в отличие от марокканцев и египтян, в расселении выходцев из Сомали роль столичной коммуны не была столь гипертрофирована — 26,7 %; на долю коммуны Орхус приходилось 22,9 % всех сомалийцев, Оденсе — 10,5 %, Ольборг — 5,7 %.

Результатом проводимой властями Дании политики в отношении мигрантов и их потомков стала общая децентрация населения африканского происхождения по территории страны, произошедшая несмотря на увеличение его численности. В целом для африканского населения значение индекса Херфиндаля — Хиршмана уменьшилось за период 2010—2023 гг. с 1306,8 до 862,8 (табл. 2). Произошло это в первую очередь за счет снижения их концентрации в крупнейших коммунах: так, доля Копенгагена в структуре расселения африканцев сократилась с 32,5 до 25,3 %, Орхуса — с 12,7 до 11,3 %, Оденсе — с 5,5 до 5,1 %; при этом выросла доля Ольборга — с 3,2 до 3,9 %.

Наиболее значительное снижение показателя концентрации — с 1533,3 до 199,3 — характерно для эритрейцев. Таким образом, по состоянию на 2023 г. расселение выходцев из Эритреи в Дании характеризуется меньшим уровнем концентрации, чем у коренного населения страны. При этом численность эритрейцев росла наиболее высокими темпами — в первую очередь за счет потока искателей убежища¹, размещение которых по территории страны носило управляемый характер. В значительной степени процесс децентрации был обеспечен уменьшением доли эритрейцев в коммуне Копенгаген и двух ее соседей — Херлев и Гладсаксе, где совокупно она сократилась с 51,1 до 4,4 %!

Численность выходцев из Демократической Республики Конго в Дании в рассматриваемый период увеличилась почти в 4,5 раза в связи с увеличением потока вынужденных переселенцев. Изменения в расселении конголезцев характеризуются не столь значительным снижением их территориальной концентрации вследствие того, что большое число искателей убежища первоначально проживало в центрах временного размещения, расположенных в малых коммунах страны. Дальнейшая их децентрация связана не с уменьшением доли крупнейших коммун, а, наоборот, с перераспределением из малых. Так, доля конголезцев существенно сократилась в коммунах Вестиммерланд (с 9,2 до 2,1 %), Тённер (с 5,2 до 0,6 %), Скиве (с 3,8 до 1,6 %) и др.

В свою очередь, несмотря на снижение уровня территориальной концентрации марокканцев, египтян и сомалийцев в результате как управляемого властями расселения прибывающих искателей убежища из этих стран, так и их самоорганизованных переселений, его значения остаются крайне высокими. Постепенная

¹ Больше число ходатайств было подано лишь гражданами Сирии.

деконцентрация марокканцев и сомалийцев сопряжена с уменьшением доли в их размещении коммун Столичного региона (в первую очередь Копенгагена), а также коммун Фредериксберг, Альбертслунд, Исхой (все — Ховедстаден), Рингстед (Зеландия). В размещении египтян наиболее сильно сократилась доля коммун Фредериксберг, Гентофте (обе — Ховедстаден), а также Роскилле и Хольбек (обе — Зеландия).

Изменения в размещении африканцев по территории Дании характеризуются не только снижением их пространственной концентрации, но и сближением структур расселения «пришлого» и коренного населения (табл. 3). Так, за 2010—2023 гг. соответствующий уровень различий (для всего африканского населения) уменьшился с весьма значительного до значительного [31]. Однако для иммигрантов из стран Африки и их потомков структурные различия остаются более высокими в сравнении с таковыми для всего иностранного населения Дании: значение индекса для последнего в 2023 г. составило 0,295, что характеризует уровень различий как существенный.

Таблица 3

**Степень различия между структурами расселения датчан
и мигрантов из стран Африки и их потомков по коммуна Дании, 2010—2023 гг.**

Год	Значения индекса Рябцева, рассчитанные по совокупностям мигрантов и их потомков и датчан, расселенных по коммуна страны						
	Гана	Демократическая Республика Конго	Египет	Марокко	Сомали	Эритрея	Вся Африка
2010	0,549	0,488	0,597	0,699	0,543	0,605	0,535
2011	0,542	0,499	0,597	0,693	0,543	0,573	0,531
2012	0,554	0,496	0,592	0,684	0,539	0,544	0,522
2013	0,543	0,444	0,587	0,678	0,528	0,509	0,510
2014	0,549	0,414	0,575	0,672	0,512	0,422	0,499
2015	0,541	0,394	0,580	0,664	0,501	0,299	0,469
2016	0,521	0,385	0,575	0,659	0,495	0,325	0,453
2017	0,499	0,365	0,572	0,653	0,496	0,340	0,440
2018	0,498	0,344	0,568	0,646	0,499	0,336	0,435
2019	0,488	0,345	0,559	0,640	0,502	0,342	0,427
2020	0,480	0,324	0,552	0,634	0,502	0,343	0,422
2021	0,477	0,320	0,551	0,630	0,503	0,332	0,418
2022	0,467	0,317	0,545	0,627	0,503	0,329	0,411
2023	0,459	0,302	0,525	0,621	0,504	0,318	0,402

Рассчитано и составлено по данным: FOLK1C: Folketal den 1. i kvartalet efter område, køn, alder (5-års intervaller), herkomst og oprindelsesland, *Danmarks Statistik*, URL: <https://www.statbank.dk/FOLK1C> (дата обращения: 10.04.2024).

Сближение структур расселения выходцев из африканских стран и коренного населения Дании происходит в результате как деятельности Министерства иммиграции и интеграции, направленной на более равномерное расселение беженцев и членов их семей, так и самоорганизованной смены места жительства переселенцами. Тем не менее интенсивность этого процесса была различна: так, наибольшее сближение структур расселения с датчанами было характерно для выходцев из Эритреи и Демократической Республики Конго, прирост численности которых за счет потока вынужденных мигрантов был наиболее высоким. В свою очередь, характерной чертой сближения расселения по территории страны выходцев из Эритреи и Сомали с датчанами стало то, что своего максимума оно достигло в раз-

гар Европейского миграционного кризиса в 2015—2016 гг., когда мощность потока из этих стран была максимальной. В дальнейшем значения показателя структурных различий увеличились, что связано с усилением процессов самоорганизации в размещении мигрантов по территории Дании. Для выходцев из других стран (Марокко, Египет, Гана) снижение показателей носило более устойчивый и равномерный характер.

Тем не менее, несмотря на снижение территориальной концентрации и сближение структур размещения мигрантов из африканских стран и их потомков с датчанами, эти показатели остаются все еще значительными, что свидетельствует о высоком уровне сегрегации африканцев в Дании, особенно характерной для марокканцев и сомалийцев. Концентрация в уязвимых жилых районах городских агломераций страны — один из факторов, препятствующих успешной интеграции марокканцев и сомалийцев в датское общество, — приводит к негативным последствиям для этих групп. Для них характерен высокий уровень криминализации [37], и эта проблема наиболее остра именно для представителей второго поколения диаспор. Согласно рейтингу преступности, используемому Статистическим управлением Дании¹, в 2022 г. мигранты из Сомали занимали в нем 2-е место, а марокканские мигранты расположились на 8-м месте, для уже рожденных в Дании сомалийцев и марокканцев показатели индекса были еще выше, а в рейтинге наиболее криминализованных групп населения они занимают 3-е и 4-е места. Выходцы из этих двух стран, помимо прочего, характеризуются одним из наиболее низких уровней занятости трудоспособного населения — в том числе для рожденных в Дании мужчин в возрасте 20—40 лет². Низкие значения показателей социально-экономического развития районов с высокой долей мигрантов из Сомали и Марокко и их потомков стали причиной отнесения властями большинства из них к группе «уязвимых жилых районов».

Заключение

Происходящее на протяжении десятилетий увеличение численности мигрантов из незападных стран приводит к кардинальным изменениям миграционной политики Дании. В числе причин смены миграционной модели, считавшейся в 1980-е гг. одной из наиболее либеральных в Европе, стал резкий рост просителей убежища из охваченного конфликтами Сомали в начале 1990-х гг. Ужесточение миграционного законодательства Дании происходило за счет снижения размеров социальных пособий, усиления контроля за программами по интеграции и реадмиссии, а также усложнения процедуры получения вида на жительство. Важным шагом, направленным на более равномерное расселение беженцев по территории страны, стало введение квот на прием беженцев между коммунами и внедрение экономических санкций по отношению к мигрантам в случае их самостоятельного переезда. Таким образом, миграционная политика страны прошла путь от одной из наиболее либеральных в Европе до самой рестриктивной, целью которой стало стремление к отказу от приема искателей убежища.

На примере наиболее крупных по численности групп беженцев из стран Африки и их потомков выявлены особенности расселения мигрантов в Дании. В рамках рассматриваемого периода 2010—2023 гг. имело место снижение территориальной концентрации по коммунам страны как всей совокупности африканцев в Дании, так и каждой отдельно рассматриваемой этнической группы. Различия в расселе-

¹ Indvandrerne i Danmark 2023, *Danmarks Statistik*, P. 119, URL: <https://www.dst.dk/pubfile/47883/Indv%202023> (дата обращения: 10.04.2024).

² Ibid. P. 47.

нии между выходцами из стран Африки связаны с разным статусом переселенцев в стране, длительностью их пребывания в Дании, общей численностью конкретной африканской диаспоры и другими факторами. Наиболее равномерно расселены по территории Дании выходцы из Эритреи и Демократической Республики Конго вследствие управляемого властями расселения беженцев из этих стран, рост численности которых пришелся на период ужесточения в стране миграционного законодательства. В свою очередь, для населения марокканского, сомалийского и египетского происхождения, более многочисленного и появившегося в Дании раньше других африканских диаспор, показатели концентрации, несмотря на снижение, остаются крайне высокими.

В период 2010—2023 гг. имело место сближение структур расселения лиц датского происхождения и всей совокупности выходцев из Африки по коммунальным странам; максимально близка к структуре расселения датчан таковая у эритрейцев и конголезцев, наиболее отличается от нее — у сомалийцев, марокканцев и египтян.

Таким образом, в результате эволюции датской миграционной политики произошли изменения в размещении африканского населения страны, выразившиеся в его более равномерном расселении по ее территории. При этом для марокканского и сомалийского населения Дании продолжает достаточно остро стоять проблема его территориальной эксклюзии и сегрегации в «уязвимых жилых районах», с которыми власти страны ведут борьбу в рамках программы «Дания без параллельных обществ — без гетто в 2030 году».

Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Список литературы

1. Benassi, F., Iglesias-Pascual, R., Salvati, L. 2020, Residential segregation and social diversification: Exploring spatial settlement patterns of foreign population in Southern European cities, *Habitat International*, vol. 101, 102200, <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2020.102200>
2. Imeraj, L., Willaert, D., de Valk, H.A.G. 2018, A comparative approach towards ethnic segregation patterns in Belgian cities using multiscalar individualized neighborhoods, *Urban Geography*, vol. 39, № 8, p. 1221—1246, <https://doi.org/10.1080/02723638.2018.1446584>
3. Горохов, С. А., Агафшин, М. М., Дмитриев, Р. В. 2020, Сомалийцы в Швеции: региональное измерение, *Современная Европа*, № 7, с. 132—143, <https://doi.org/10.15211/soveurope72020150161>
4. Rogne, A. F., Andersson, E. K., Malmberg, B., Lyngstad, T. H. 2020, Neighbourhood Concentration and Representation of Non-European Migrants: New Results from Norway, *European Journal of Population*, vol. 36, p. 71—83, <https://doi.org/10.1007/s10680-019-09522-3>
5. Tanis, K. 2020, Regional distribution and location choices of immigrants in Germany, *Regional Studies*, vol. 54, № 4, p. 483—494, <https://doi.org/10.1080/00343404.2018.1490015>
6. Vogiazides, L., Mondani, H. 2021, Geographical Trajectories of Refugees in Sweden: Uncovering Patterns and Drivers of Inter-Regional (Im)mobility, *Journal of Refugee Studies*, vol. 34, № 3, p. 3065—3090, <https://doi.org/10.1093/jrs/feaa074>
7. Агафшин, М. М., Горохов, С. А., Дмитриев, Р. В. 2023, Пространственная трансформация миграционной системы в период кризиса, *Вестник Санкт-Петербургского университета, Науки о Земле*, т. 68, № 1, с. 29—43, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.102>
8. Алексеев, Д. В. 2017, Нелегальная миграция из стран Африки: угрозы и вызовы для Европы, *Азия и Африка сегодня*, № 7 (720), с. 38—42. EDN: ZAONAH
9. Громыко, А. А. 2017, Миграция из стран Ближнего Востока и Африки в Европу: вызовы и угрозы, *Ученые записки Института Африки РАН*, № 3 (40), с. 116—124. EDN: ZWUNIB

10. Охошин, О.В. 2020, Миграционная политика Великобритании до и после брекзита, *Вестник Российского университета дружбы народов, Серия: Политология*, т. 22, № 3, с. 506—516, <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-3-506-516>
11. Сидорова, Г.М., Жерлицына, Н.А. 2023, Динамика миграционных и интеграционных процессов в Южной Европе (Испания, Португалия, Италия, Сан-Марино, Мальта), *Мировая экономика и международные отношения*, т. 67, № 9, с. 109—118, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-9-109-118>
12. Agafoshin, M. M., Gorokhov, S. A., Dmitriev, R. V. 2022, Refugees from Syria and Iraq in Sweden: Resettlement during the Migration Crisis, *Baltic Region*, vol. 14, № 4, p. 98—112, <https://doi.org/10.5922/20798555-2022-4-6>
13. Andersen, J., Elm Larsen, J., Hornemann Møller, I. 2009, The exclusion and marginalisation of immigrants in the Danish welfare society: Dilemmas and challenges, *International Journal of Sociology and Social Policy*, vol. 29, № 5/6, p. 274—286, <https://doi.org/10.1108/01443330910965804>
14. Stonawski, M., Rogne, A. F., Christiansen, H., Bang, H., Lyngstad, T. H. 2022, Ethnic segregation and native out-migration in Copenhagen, *European Urban and Regional Studies*, vol. 29, № 2, p. 168—188, <https://doi.org/10.1177/09697764211039183>
15. Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S. 2020, Ethno-confessional immigrant ghettos as a national security problem in Denmark's social and political discourse, *Baltic Region*, vol. 12, № 3, p. 55—71, <https://doi.org/10.5922/2078-8555-2020-3-4>
16. Jønsson, H. V., Petersen, K. 2012, 'Denmark: A National Welfare State Meets the World' in *Immigration Policy and the Scandinavian Welfare State 1945—2010*. Migration, Diasporas and Citizenship Series, Palgrave Macmillan, London, p. 97—148, https://doi.org/10.1057/9781137015167_3
17. Kapitsyn, V. M., Magomedov, A. K., Shaparov, A. E. 2022, Immigration policy and integration of migrants in the Kingdom of Denmark at the beginning of the XXI century, *Baltic Region*, vol. 14, № 2, p. 98—114, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-7>
18. Kreichauf, R. 2020, 'Legal Paradigm Shifts and Their Impacts on the Socio-Spatial Exclusion of Asylum Seekers in Denmark', in: Glorius, B., Doornik, J. (eds.), *Geographies of Asylum in Europe and the Role of European Localities*, IMISCOE Research Series. Springer, Cham., p. 45—67, https://doi.org/10.1007/978-3-030-25666-1_3
19. Andersen, H. S. 2010, Contextualising ethnic residential segregation in Denmark: welfare, housing and immigration: Country Report for Denmark, *Danish Building Research Institute, Aalborg University*, 59 p., URL: <https://blogs.helsinki.fi/nodesproject/files/2010/12/Denmark.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).
20. Arendt, J. N., Dustmann, C., Ku, H. 2022, Refugee migration and the labour market: lessons from 40 years of post-arrival policies in Denmark, *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 38, № 3, p. 531—556, <https://doi.org/10.1093/oxrep/grac021>
21. Damm, A. P. 2004, The Danish Dispersal Policy on Refugee Immigrants 1986—1998: A Natural Experiment?, *Department of Economics Aarhus School of Business*, 48 p., URL: https://www.researchgate.net/publication/5093615_The_Danish_Dispersal_Policy_on_Refugee_Immigrants_1986-1998_A_Natural_Experiment (дата обращения: 01.04.2024).
22. Herslund, L., Paulgaard, G. 2021, Refugees' Encounters with Nordic Rural Areas—Darkness, Wind and "Hygge"!, *Frontiers in Sociology*, vol. 6, 623686, <https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.623686>
23. Larsen, B. R. 2011, Becoming Part of Welfare Scandinavia: Integration through the Spatial Dispersal of Newly Arrived Refugees in Denmark, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 37, № 2, p. 333—350, <https://doi.org/10.1080/1369183x.2011.521337>
24. Andersson, E. K., Malmberg, B., Costa, R., Sleutjes, B., Stonawski, M. J., de Valk, H. A. G. 2018, A Comparative Study of Segregation Patterns in Belgium, Denmark, the Netherlands and Sweden: Neighbourhood Concentration and Representation of Non-European Migrants, *European Journal of Population*, vol. 34, p. 251—275, <https://doi.org/10.1007/s10680-018-9481-5>
25. Wren, K. 2003, Refugee dispersal in Denmark: from macro- to micro-scale analysis, *International Journal of Population Geography*, vol. 9, № 1, p. 57—75, <https://doi.org/10.1002/ijpg.273>
26. Hagelund, A. 2020, After the refugee crisis: public discourse and policy change in Denmark, Norway and Sweden, *Comparative Migration Studies*, № 8, 13, <https://doi.org/10.1186/s40878-019-0169-8>

27. Myrberg, G. 2017, Local challenges and national concerns: municipal level responses to national refugee settlement policies in Denmark and Sweden, *International Review of Administrative Sciences*, vol. 83, №2, p. 322—339, <https://doi.org/10.1177/0020852315586309>
28. Морозова, Н. М., Алымова, А. Г., Яковлева, Е. С. 2021, Иммиграция и миграционная политика в странах Северной Европы, *ДЕМИС. Демографические исследования*, т. 1, № 1, с. 87—96, <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.10>
29. Пронякина, Е. Д. 2023, «Неправильная» миграция: проблема управления миграционными потоками в политике скандинавских стран, *Международная аналитика*, т. 14, № 3, с. 58—73, <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-3-58-73>
30. Черкасов, А. И. 2023, Миграция как вызов скандинавскому государству всеобщего благоденствия, *Сравнительное конституционное обозрение*, № 2 (153), с. 69—92. EDN: XMUXRN
31. Рябцев, В. М., Чудилин, Г. И. 2001, *Региональная статистика*, Москва, ООО «Московский издательский дом», 380 с.
32. Волков, А. М. 2020, Миграционные потоки в страны Северной Европы, *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*, № 1 (23), с. 126—142. EDN: JJKIAZ
33. Hammer, O. 2019, *Bidrag til Danmarks indvandringshistorie: halvtreds år i frontlinjen*, Århus, Turbine, 302 p.
34. Bjerre, L., Pace, M., Sen, S. 2021, Accessing the Danish Labour Market: On the Coexistence of Legal Barriers and Enabling Factors, in: Federico, V., Baglioni, S. (eds.), *Migrants, Refugees and Asylum Seekers' Integration in European Labour Markets*, IMISCOE Research Series. Springer, Cham., p. 135—148, https://doi.org/10.1007/978-3-030-67284-3_7
35. Бадаева, А. С. 2022, Датская народная партия и трансформации иммиграционной политики Дании, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 66, № 3, с. 119—129, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-3-119-129>
36. Rosholm, M., Vejlin, R. 2010, Reducing income transfers to refugee immigrants: Does start-help help you start?, *Labour Economics*, vol. 17, № 1, p. 258—275, <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2009.09.004>
37. Kirkegaard, E. O. W., Fuerst, J. 2014, Educational attainment, income, use of social benefits, crime rate and the general socioeconomic factor among 70 immigrant groups in Denmark, *Open Differential Psychology*, <https://doi.org/10.26775/odp.2014.05.12>

Об авторах

Максим Михайлович Агафшин, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Россия.

E-mail: agafoshinmm@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0245-0481>

Станислав Анатольевич Горохов, доктор географических наук, профессор, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Россия.

E-mail: stgorohov@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9984-6054>

Руслан Васильевич Дмитриев, доктор географических наук, заместитель директора по научной работе, Институт Африки РАН, Россия.

E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4018-9832>

DESCENDANTS FROM AFRICAN COUNTRIES IN DENMARK: TERRITORIAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF SETTLEMENT IN THE 2010s TO EARLY 2020s

M. M. Agafoshin

S. A. Gorokhov

R. V. Dmitriev

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences,
30/1 Spiridonovka St., Moscow, 123001, Russia

Received 30 April 2024

Accepted 21 October 2024

doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-4

© Agafoshin, M. M., Gorokhov, S. A.,
Dmitriev, R. V., 2025

Denmark is one of the most attractive European countries for immigrants due to its high level of socio-economic and political development. However, an increase in the migration burden has led to a tightening of the country's migration legislation, aimed primarily at limiting the flow of migrants from non-Western countries, preventing segregation, and ensuring the successful integration of migrants into the host society. This study aims to analyse the distribution of immigrants and their descendants in Denmark, focusing on migrants from African countries (Somalia, Morocco, Egypt, Ghana, the Democratic Republic of the Congo, and Eritrea) between 2010 and 2023. The authors examine legislative changes in Danish migration policy and analyse data from the Danish Statistical Office regarding migration trends and the geographic distribution of both the native population and individuals of foreign origin across second-level administrative units (communes). The research methodology employs the Herfindahl–Hirschman index to assess the degree of territorial concentration of people of African descent, alongside the Ryabtsev index to measure the similarity between the settlement patterns of migrants and their descendants from Africa and those of Denmark's indigenous population. The results indicate a decrease in the territorial concentration of the African population in Denmark, as well as a convergence between the settlement patterns of African migrants and Danish-origin residents. However, the intensity of these processes varies significantly based on immigrants' status, duration of residence in Denmark, and the size of specific African diasporas. Despite the observed deconcentration and increased settlement integration, the African population, particularly individuals of Somali and Moroccan descent, continues to exhibit high levels of territorial exclusion and segregation. Their settlement patterns are often concentrated in 'vulnerable residential areas', which still reflect significant socio-spatial disparities.

Keywords:

Denmark, immigrants and their descendants, Africans, refugees, settlement, vulnerable residential areas

References

1. Benassi, F., Iglesias-Pascual, R., Salvati, L. 2020, Residential segregation and social diversification: Exploring spatial settlement patterns of foreign population in Southern European cities, *Habitat International*, vol. 101, 102200, <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2020.102200>

2. Imeraj, L., Willaert, D., de Valk, H.A.G. 2018, A comparative approach towards ethnic segregation patterns in Belgian cities using multiscalar individualized neighborhoods, *Urban Geography*, vol. 39, № 8, p. 1221—1246, <https://doi.org/10.1080/02723638.2018.1446584>
3. Gorokhov, S.A., Agafoshin, M.M., Dmitriev, R.V. 2020, Somalis in Sweden: Regional Dimension, *Contemporary Europe*, № 7, p. 132—143, <https://doi.org/10.15211/soveurope72020150161> (in Russ.).
4. Rogne, A.F., Andersson, E.K., Malmberg, B., Lyngstad, T.H. 2020, Neighbourhood Concentration and Representation of Non-European Migrants: New Results from Norway, *European Journal of Population*, vol. 36, p. 71—83, <https://doi.org/10.1007/s10680-019-09522-3>
5. Tanis, K. 2020, Regional distribution and location choices of immigrants in Germany, *Regional Studies*, vol. 54, № 4, p. 483—494, <https://doi.org/10.1080/00343404.2018.1490015>
6. Vogiazides, L., Mondani, H. 2021, Geographical Trajectories of Refugees in Sweden: Uncovering Patterns and Drivers of Inter-Regional (Im)mobility, *Journal of Refugee Studies*, vol. 34, № 3, p. 3065—3090, <https://doi.org/10.1093/jrs/feaa074>
7. Agafoshin, M.M., Gorokhov, S.A., Dmitriev, R.V. 2023, Spatial transformation of the migration system during the crisis, *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, vol. 68, № 1, p. 29—43, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.102> (in Russ.).
8. Alekseev, D.V. 2017, Illegal Migration from Africa: Threats and Challenges for Europe, *Asia and Africa Today*, № 7 (720), p. 38—42. EDN: ZAONAH (in Russ.).
9. Gromyko, A.A. 2017, Migration from the Middle East and Africa to Europe: Challenges and Threats, *Journal of the Institute for African Studies*, № 3 (40), p. 116—124. EDN: ZWUNIB (in Russ.).
10. Okhoshin, O.V. 2020, UK Migration Policy before and after Brexit, *RUDN Journal of Political Science*, vol. 22, № 3, p. 506—516, <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-3-506-516> (in Russ.).
11. Sidorova, G.M., Zherlitsina, N.A. 2023, Dynamics of Migration and Integration Processes in Southern Europe, *World Economy and International Relations*, vol. 67, № 9, p. 109—118, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-9-109-118> (in Russ.).
12. Agafoshin, M.M., Gorokhov, S.A., Dmitriev, R.V. 2022, Refugees from Syria and Iraq in Sweden: Resettlement during the Migration Crisis, *Baltic Region*, vol. 14, № 4, p. 98—112, <https://doi.org/10.5922/20798555-2022-4-6>
13. Andersen, J., Elm Larsen, J., Hornemann Møller, I. 2009, The exclusion and marginalisation of immigrants in the Danish welfare society: Dilemmas and challenges, *International Journal of Sociology and Social Policy*, vol. 29, № 5/6, p. 274—286, <https://doi.org/10.1108/01443330910965804>
14. Stonawski, M., Rogne, A.F., Christiansen, H., Bang, H., Lyngstad, T.H. 2022, Ethnic segregation and native out-migration in Copenhagen, *European Urban and Regional Studies*, vol. 29, № 2, p. 168—188, <https://doi.org/10.1177/09697764211039183>
15. Talalaeva, E.Yu., Pronina, T.S. 2020, Ethno-confessional immigrant ghettos as a national security problem in Denmark's social and political discourse, *Baltic Region*, vol. 12, № 3, p. 55—71, <https://doi.org/10.5922/2078-8555-2020-3-4>
16. Jønsson, H.V., Petersen, K. 2012, 'Denmark: A National Welfare State Meets the World' in *Immigration Policy and the Scandinavian Welfare State 1945—2010*. Migration, Diasporas and Citizenship Series, Palgrave Macmillan, London, p. 97—148, https://doi.org/10.1057/9781137015167_3
17. Kapitsyn, V.M., Magomedov, A.K., Shaparov, A.E. 2022, Immigration policy and integration of migrants in the Kingdom of Denmark at the beginning of the XXI century, *Baltic Region*, vol. 14, № 2, p. 98—114, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-7>
18. Kreichauf, R. 2020, 'Legal Paradigm Shifts and Their Impacts on the Socio-Spatial Exclusion of Asylum Seekers in Denmark', in Glorius, B., Doornik, J. (eds.), *Geographies of Asylum in Europe and the Role of European Localities*, IMISCOE Research Series. Springer, Cham., p. 45—67, https://doi.org/10.1007/978-3-030-25666-1_3
19. Andersen, H.S. 2010, Contextualising ethnic residential segregation in Denmark: welfare, housing and immigration: Country Report for Denmark, *Danish Building Research Institute, Aalborg University*, 59 p. URL: <https://blogs.helsinki.fi/nodesproject/files/2010/12/Denmark.pdf> (accessed 20.03.2024).

20. Arendt, J. N., Dustmann, C., Ku, H. 2022, Refugee migration and the labour market: lessons from 40 years of post-arrival policies in Denmark, *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 38, № 3, p. 531 — 556, <https://doi.org/10.1093/oxrep/grac021>
21. Damm, A. P. 2004, The Danish Dispersal Policy on Refugee Immigrants 1986—1998: A Natural Experiment? *Department of Economics Aarhus School of Business*, 48 p., URL: https://www.researchgate.net/publication/5093615_The_Danish_Dispersal_Policy_on_Refugee_Immigrants_1986-1998_A_Natural_Experiment (accessed 01.04.2024).
22. Herslund, L., Paulgaard, G. 2021, Refugees' Encounters with Nordic Rural Areas—Darkness, Wind and “Hygge”!, *Frontiers in Sociology*, vol. 6, 623686, <https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.623686>
23. Larsen, B. R. 2011, Becoming Part of Welfare Scandinavia: Integration through the Spatial Dispersal of Newly Arrived Refugees in Denmark, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 37, № 2, p. 333 — 350, <https://doi.org/10.1080/1369183x.2011.521337>
24. Andersson, E. K., Malmberg, B., Costa, R., Sleutjes, B., Stonawski, M. J., de Valk, H. A. G. 2018, A Comparative Study of Segregation Patterns in Belgium, Denmark, the Netherlands and Sweden: Neighbourhood Concentration and Representation of Non-European Migrants, *European Journal of Population*, vol. 34, p. 251 — 275, <https://doi.org/10.1007/s10680-018-9481-5>
25. Wren, K. 2003, Refugee dispersal in Denmark: from macro- to micro-scale analysis, *International Journal of Population Geography*, vol. 9, № 1, p. 57 — 75, <https://doi.org/10.1002/ijpg.273>
26. Hagelund, A. 2020, After the refugee crisis: public discourse and policy change in Denmark, Norway and Sweden, *Comparative Migration Studies*, № 8, 13, <https://doi.org/10.1186/s40878-019-0169-8>
27. Myrberg, G. 2017, Local challenges and national concerns: municipal level responses to national refugee settlement policies in Denmark and Sweden, *International Review of Administrative Sciences*, vol. 83, № 2, p. 322 — 339, <https://doi.org/10.1177/0020852315586309>
28. Morozova, N. M., Alymova, A. G., Yakovleva, E. S. 2021, Immigration and Migration Policy in the Nordic Countries, *DEMIS. Demographic Research*, vol. 1, № 1, p. 87 — 96, <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.10> (in Russ.).
29. Pronyakina, E. D. 2023, “The Wrong Migration:” The Problem of Managing Migration Flows in the Nordic Countries Politics, *Journal of International Analytics*, vol. 14, № 3, p. 58 — 73, <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-3-58-73> (in Russ.).
30. Cherkasov, A. 2023, Migration as a challenge to the Scandinavian welfare state, *Comparative Constitutional Review*, № 2 (153), p. 69 — 92. EDN: XMUXRN (in Russ.).
31. Ryabtsev, V. M., Chudilin, G. I. 2001, *Regional Statistics*, Moscow, ООО «Московскй издател'skii dom» (in Russ.).
32. Volkov, A. M. 2020, Migration Flows to Nordic Countries, *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*, № 1 (23), p. 126 — 142. EDN: JJKIAZ (in Russ.).
33. Hammer, O. 2019, *Bidrag til Danmarks indvandringshistorie: halvtreds år i frontlinjen*, Århus, Turbine, 302 p.
34. Bjerre, L., Pace, M., Sen, S. 2021, Accessing the Danish Labour Market: On the Coexistence of Legal Barriers and Enabling Factors, in: Federico, V., Baglioni, S. (eds.), *Migrants, Refugees and Asylum Seekers' Integration in European Labour Markets*, IMISCOE Research Series, Springer, Cham., p. 135 — 148, https://doi.org/10.1007/978-3-030-67284-3_7
35. Badaeva, A. S. 2022, Danish People's Party and Danish Immigration Policy Transformation, *World Economy and International Relations*, vol. 66, № 3, p. 119 — 129, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-3-119-129> (in Russ.).
36. Rosholm, M., Vejlin, R. 2010, Reducing income transfers to refugee immigrants: Does start-help help you start?, *Labour Economics*, vol. 17, № 1, p. 258 — 275, <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2009.09.004>
37. Kirkegaard, E. O. W., Fuerst, J. 2014, Educational attainment, income, use of social benefits, crime rate and the general socioeconomic factor among 70 immigrant groups in Denmark, *Open Differential Psychology*, <https://doi.org/10.26775/odp.2014.05.12>

The authors

Dr Maksim M. Agafoshin, Senior Research Fellow, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: agafoshinmm@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0245-0481>

Prof Stanislav A. Gorokhov, Head of the Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: stgorohov@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9984-6054>

Prof Ruslan V. Dmitriev, Deputy Director, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4018-9832>

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)